

БЕЛАРУСКАЯ МОВА ЯК ЭТНАКУЛЬТУРНЫ ФЭНОМЕН У СІНХРАНІ І ДЫЯХРАНІ

Н.Н. Бичан, О.Г. Ванкевич (Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси)

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ БЕЛОРУССКИХ СИНГУЛЯТИВОВ

Ключевые слова: сингулятив, существительные со значением единичности, вещественные существительные, собирательные существительные, словообразовательные суффиксы.

В белорусском языкознании сингулятивы – слова со значением единичности – не выступали объектом специальных научных исследований. В современных грамматиках и учебниках по морфологии представлены очень скудные, самые общие сведения о данной группе лексических единиц.

Традиционно белорусские сингулятивы рассматриваются в разделах, посвященных словообразованию [1] или характеристике лексико-грамматических разрядов имен существительных [3; 7; 11; 12], как дериваты от вещественных или собирательных субстантивов. Так, в «Белорусской грамматике» отмечено, что существительные с модификационным значением единичности (сингулятивы) «обозначают одну часть однородной массы или кусочек материала, вещества», образуются при помощи суффиксов *-к-а* (*сунічка, карамелька, паперка, шакаладка*) [1, с. 239], *-ін-а (-ын-а)* (*валасіна, чараціна, цагляна, алешына*) [1, с. 247], *-інк-а (-ынк-а)* (*залацінка*) [1, с. 267]. П. П. Шуба определяет сингулятивы как «такие имена существительные, которые называют единственный предмет, выделенный из совокупности однородных предметов или массы однородных веществ», например, *галіна, хварасціна, пясчынка, сняжынка* [17, с. 36].

В последние десятилетия наметился новый взгляд на статус сингулятивов в системе белорусского языка, в основе которого – признание относительной самостоятельности данных лексических единиц. Некоторые лингвисты выделяют их в отдельную группу внутри конкретных нарицательных существительных [13, с. 32] или даже в отдельный лексико-грамматический разряд [4, с. 9], тип [10, с. 205], подчеркивая производный характер семантики единичности, которая находит свое морфологическое выражение в специальных суффиксах. Кроме того, ученые указывают на такие грамматические свойства сингулятивов, как способность сочетаться с количественными числительными (*тры чараціны, пяць сняжынак*) и способность иметь форму множественного числа (*бульбіна – бульбіны*).

Аналитический обзор отечественной научной литературы показывает, что границы категории слов со значением единичности в лексической системе белорусского языка начинают восприниматься шире. В учебнике «Сучасная беларуская мова. Марфалогія», одним из составителей которого является З. И. Бадевич, сингулятивы распределены по 3 семантическим группам: 1) обозначающие часть парного предмета (*штаніна, калашына*); 2) называющие единичный предмет как часть однородных предметов (*саломіна, жалезіна*); 3) обозначающие одну часть вещества (*ільдзіна*). Следует отметить, что авторы данного учебного пособия к сингулятивам относят также существительные с модификационным суффиксом *-к-*, мотивированные словами с семантикой единичности, типа *саломінка* (← *саломіна*), *гарошынка* (← *гарошына*), отграничивая их от слов с уменьшительно-ласкательным значением с омонимичным суффиксом *-к-* (*упадзінка, драпінка*) [13, с. 32–33].

Резюмируя изложенное, отметим, что в белорусистике под сингулятивами понимаются имена существительные, связанные отношениями словообразовательной мотивации с вещественными, собирательными субстантивами или словами *pluralia tantum* при помощи суффиксов *-ін-* (*-ын-*), *-інк-* (*-ынк-*), *-к-* и выражающие обобщенные значения ‘одна (отдельная) часть вещества’ / ‘кусочек материала’ (*вінаградзіна, пушынка, ірыска, камлыжына*), ‘единичный предмет из совокупности однородных’ (*пасудзіна, рыбіна, адзежына*), ‘часть парного предмета’ (*штаніна*). Подобно конкретным существительным, сингулятивы способны подвергаться счету, а также употребляться в форме множественного числа.

В отличие от белорусского языкознания, в русистике накоплен более значительный опыт изучения сингулятивов. В «Русской грамматике» представлен большой набор деривационных аффиксов, за которыми закреплено значение единичности: кроме суффиксальных морфем *-ин(а)* (*горошина, клюквина, макаронина, дернина, холстина*), *-инк(а)* (*льдинка, крупинка, пушинка*), *-к(а)* (*чешуйка, карамелька, бумажка, суконка, резинка*), выделен ряд малопродуктивных суффиксов *-иц(а)*, *-як(а)*, *-ок*, *-ышк(а)*, *-яшк(а)* (*частица, железяка, мелок, ледышка, медяшка*) [8, с. 206–207; с. 266].

В диссертации И. А. Трубициной «Словообразовательная категория имен существительных со значением единичности в современном русском литературном языке» объектом исследования выступили как узувальные единицы, так и новообразования, рассматриваемые как подтверждение продуктивности того или иного словообразовательного типа; автором разработана классификация сингулятивов по структурно-семантическим признакам [15]. В монографии В. Н. Мусатова категория слов с семантикой единичности исследуется на материале литературного языка и говор; акцентируется внимание на том, что «сингулятивы являются исключительно продуктом суффиксального способа словообразования»,

производными от вещественных или собирательных имен существительных единицами [6, с. 14].

Отдельные российские исследователи высказывают мнение, что к сингулятивам принадлежат также конкретные имена существительные, обозначающие лиц как представителей определенного сообщества [16], например, *крестьянин – крестьянство, адвокат – адвокатура* и т. п.

Несмотря на попытки расширить представления об объеме русских сингулятивов, дать подробную характеристику их в словообразовательном аспекте, имеющиеся научные труды не обеспечивают исчерпывающего и однозначного понимания сущности данной категории языковых единиц. Наблюдается разнотерминология: сингулятивы, единичные существительные, существительные со значением единичности, «имена единичные» [5]; отсутствует единый подход к классификации лексико-грамматических разрядов существительных.

Выражение семантики единичности как в русском, так и в белорусском языках не ограничивается лишь описанными в грамматиках словообразовательными средствами. Данное значение может формироваться в структуре производного слова при помощи других суффиксальных морфем, причем не только на базе вещественных и собирательных существительных, например: рус. *член-ик* 'Зоол. Одна из составных частей, на которые делится тело некоторых беспозвоночных животных'¹ ← *член*, *печен-юшк-а* 'Разг. Печень (в 3 знач.)' (*печенье* '3. Каждый отдельный кусочек такого изделия') ← *печенье*; бел. *хрустал-ік* '1. Разм. Кавалачак хрустально (у выглядзе падвескі, пацеркі і пад.)' ← *хрусталь*, *зуб-ок* '2. Долька ў галоўцы часнаку' ← *зуб* [9]. Более того, как показывают наблюдения над лингвистическим материалом, носителями значения единичности могут выступать и немотивированные лексемы, например, рус. *зерно* '2. Отдельная частица, крупинка какого-л. вещества', *колесо* '4. Отдельное сочленение, звено, отрезок в составе чего-л., являющегося соединением таких отрезков'; бел. *зерне* '2. Асобная частка, крупінка ягога-н. рэчыва', *палец* '1. Адна з пяці канцавых рухомых частак кісці рукі або ступні ў чалавека' и др.

Приведенные языковые факты позволяют сформулировать некоторые научные предположения: 1) инвентарь деривационных аффиксов сингулятивов (особенно белорусских) более разнообразен, чем представлено в специальной литературе; 2) существительные со значением единичности могут вступать в отношения словообразовательной мотивации с конкретными нарицательными существительными; 3) к сингулятивам можно отнести группу непрямых слов, содержащих в своей смысловой структуре сему единичности.

Таким образом, изучение сингулятивов является одной из актуальных и перспективных задач современной белорусистики. Очевидна

¹ Значения русских слов взяты из «Большого толкового словаря русского языка» [2], белорусских – из «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы» [14].

необходимость обстоятельного, комплексного исследования сущности и объема данного лексико-грамматического разряда существительных, которое целесообразно проводить с опорой на достижения российской (и в целом славянской) лингвистики и в сопоставлении с русским языковым материалом. Предстоит решить ряд существенных вопросов, в частности, определить статус и место субстантивов со значением единичности в системе языка, их соотношение с другими разрядами слов; установить критерии выделения сингулятивов; раскрыть механизмы и закономерности формирования значения единичности в смысловой структуре слов; выявить факторы, ограничивающие образование сингулятивов и обуславливающие лексическую лакуарность и некоторые другие.

Литература

1. Беларуская граматыка : у 2-х ч. / пад рэд. М. В. Бірылы, П. П. Шубы. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985–1986. – Ч. 1. Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтваранне. Націск. – 1985. – 431 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Бурак, Л. І. Сучасная беларуская мова : вуч. дапам. для студэнтаў-завочнікаў ВНУ БССР ; пад рэд. Л. М. Шакуна. – 2-е выд., дапрац. – Мінск : Выш. шк., 1985. – 319 с.
4. Канцавая, Г. М. Марфалогія: іменныя часціны мовы : зб. вучэб. матэрыялаў для студэнтаў пед. спецыяльнасцей устаноў выш. адукацыі / Г. М. Канцавая, В. Д. Шаваль, М. В. Швед. – Баранавічы : БарДУ, 2011. – 205 с.
5. Манучарян, Р.С. О категории имён единичных в русском языке / Р. С. Манучарян // Рус. яз. в шк. –1968. – № 6. – С. 100.
6. Мусатов, В. Н. Сингулятивы в современном русском языке : монография / В. Н. Мусатов. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2015. – 200 с.
7. Наркевіч, А. І. Назоўнік: Граматычныя катэгорыі і формы / А. І. Наркевіч. – Мінск : Выдавецтва БДУ, 1976. – 245 с.
8. Русская грамматика : в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфонология. – 783 с.
9. Русско-белорусский словарь : в 3 т. : Около 110 000 слов / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – 8-е изд. – Минск : БелЭн, 2002. – 3 т.
10. Сучасная беларуская літаратурная мова : вуч. дапам. / Д. В. Дзятко [і інш.] ; пад рэд. Д. В. Дзятко. – 2-е выд., папр. і дап. – Мінск : Выш. шк., 2020. – 588 с.
11. Сучасная беларуская літаратурная мова: Марфалогія : вуч. дапам. / Н. В. Гаўрош [і інш.] ; пад агульн. рэд. праф. М. С. Яўневіча. – Мінск : Выд. Ул. М. Скакун, 1997. – 288 с.
12. Сучасная беларуская мова : вучэб.-метад. комплекс для студэнтаў спецыяльнасці 1-02 03 07-01 “Англійская мова. Беларуская мова і літаратура” / Склад. і агульны рэд. С. М. Лясковіч. – Наваполацк : ПДУ, 2009. – 314 с.
13. Сучасная беларуская мова. Марфалогія : дапаможнік / З. І. Бадзевіч [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2018. – 323 с.
14. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1977–1984. – 5 т.

15. Трубицина, И. А. Словообразовательная категория имен существительных со значением единичности в современном русском литературном языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. А. Трубицина. – Ставрополь, 2006. – 224 л.

16. Шанский, Н. М. Современный русский язык : учебник для пед. ин-тов по спец. № 2101 «Русский язык и литература» : в 3-х ч. / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – Ч. 2. Словообразование. Морфология. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1987. – 256 с.

17. Шуба, П. П. Сучасная беларуская мова: Марфаналягія. Марфалогія. / П. П. Шуба – Мінск : Універсітэцкае, 1987. – 334 с.

А.М. Булыка (Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі)

ЛЕКСІКА ЛІТОЎСКАГА ПАХОДЖАННЯ Ў СТАРАБЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНА-ПІСЬМОВАЙ МОВЕ

Ключавыя словы: літуанізм, старабеларуская пісьменнасць, намінацыя, гістарызм, дыялект, дэрывацыя.

Лексічныя сродкі іншамоўнага паходжання займалі ў мове беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст. прыкметнае месца. Па адносінах да слоўнікавай сістэмы старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы яны падзяляюцца на запазычаныя (словы, засвоеныя ў фанетычных, марфалагічных і семантычных адносінах), экзатызмы (словы, якія падвергліся толькі частковай, як правіла, фанетыка-марфалагічнай адаптацыі) і іншамоўныя ўкрапленні (лексічныя сродкі, якія ўспрымаюцца як іншародныя элементы). У ліку слоў літоўскага паходжання, што знайшлі адлюстраванне ў помніках старабеларускай пісьменнасці, адзначаюцца намінацыйныя адзінкі першых двух тыпаў.

Лексічныя запазычаныя з літоўскай мовы ўтваралі ў старабеларускім слоўніку невялікі ў колькасным выражэнні, але адзін з найбольш актыўных у камунікатыўным плане пласт лексікі. Гэта тлумачыцца тым, што сярод іх у асноўным выступалі назвы канкрэтных рэалій, пераважна прадметаў бытавога прызначэння. Пранікалі ж літоўскія словы непасрэдна, шляхам вусных кантактаў, што неабходна разглядаць як заканамерную з’яву ва ўмовах непасрэднага суседства і шматвяковага знаходжання літоўцаў і беларусаў у адной дзяржаве.

Асноўная частка літуанізмаў дзякуючы сваёй пашыранасці ў беларускіх дыялектах у сувязі з паўсюдным выкарыстаннем абазначаных імі рэалій у бытавой і гаспадарчай сферах характарызавалася шырокай ужывальнасцю ў літаратурна-пісьмовай мове, асабліва ў помніках канцылярска-юрыдычнага жанру, якія ў параўнанні з іншымі жанрава-стылявымі разнавіднасцямі старажытнай беларускай пісьменнасці ў большай ступені набліжаліся ў моўных адносінах да жывой народнай